

«Был холост и нищ, как шарманщик...»

Иван Бунин

Гой ты, Русь моя родная,
Край священных алтарей,
Гой ты, ширь моя степная,
Колыбель богатырей!

Хлопья снега — пух лебяжий,
Злой мороз — родимый брат.
Под напором силы вражьей
Песни удали звучат.

Нипочём лихое горе,
С ним сроднился наш народ.
На плечах снесёт он горы,
Вброд пучину перейдёт.

За сохой идёт он бодро,
Громоздит в полях стога,
А под бурей развернётся —
Сатане свернёт рога.

Гой ты, Русь моя родная,
Гой, страна богатырей,
Беспредельная, святая —
Царство праведных людей!

Строка «Гой ты, Русь моя родная» известна читателю как есенинская, написана задолго до появления на свет классика русской поэзии и принадлежит елецкому поэту XIX века Егору Назарову (1848–1900). Это выяснилось, когда я обнаружил старую неизданную рукопись у одного из елецких краеведов. Статьи о своей находке я публиковал в центральных, областных изданиях, сам переставил, написал предисловие и подготовил сборник стихов Егора Назарова к печати и издал его на собственные средства.

Стихи «поэта-самоучки», как назвал его Иван Бунин, познакомившись с ним в свои юношеские годы, выходили отдельными сборниками более 125 лет назад и с тех пор не переиздавались. Между тем, творчество Егора Назарова представляет интерес хотя бы потому, что на него обратил внимание сам Бунин.

О первой книге Назарова «Стихотворения» в петербургском журнале «Родина» была опубликована большая статья молодого Бунина «Поэт-самоучка». Заметим, что замечательных самоучек собрал у себя русский поэт Иван Суриков, руководивший литературным кружком «Рассвет». В 1872 году он выпустил сборник членов своего литературного объединения, а в нём и стихи Егора Назарова. Самостоятельно Назаров опубликовал два стихотворных сборника: один в Москве в 1888-м, другой — через год в Ельце. Впрочем, за пять лет до смерти он подготовил итоговую рукопись с датами «1872–1895» (от первой публикации в сборнике «Рассвет»), которая хоть и не была напечатана, но дошла до наших дней.

В своей «Автобиографической заметке» Иван Бунин так рассказывает о знакомстве с Егором Назаровым: «Озерский кабатчик как-то сказал мне, что в Ельце появился "автор". Я тотчас поехал в Елец и с восторгом познакомился в базарном трактире с этим Назаровым, поэтом-самоучкой из мещан».

Бунин отмечал в стихах «искренность чувства, довольно отделанную форму стиха и задатки таланта, которые, при иных обстоятельствах, могли бы вполне развиться, а имя — стать известным и почётным». Был дан подробный разбор его стихов, с указанием наиболее удачных. Не обошлось и без искреннего сочувствия к забитому нуждой и непосильным трудом человеку, мечтающему выбиться из роковых обстоятельств жизни к творчеству.

Знакомство с Назаровым очень помогло молодому Бунину в первых литературных шагах: благодаря рекомендации человека, который был более чем вдвое старше и уже известен в литературных кругах, он получил место помощника редактора

в газете «Орловский вестник». С его же помощью, благодаря дружбе Назарова с руководителем Суриковского литературно-музыкального кружка Иваном Белоусовым, молодой Бунин вошёл в столичное общество писателей «Среда», участниками которого были Максим Горький, Леонид Андреев, Александр Куприн и другие литераторы, чьи произведения завоевывали внимание публики.

О жизни Назарова мало что известно. Из скудных сведений, опубликованных в 1966 году в поэтическом сборнике «И.З. Суриков и поэты-суриковцы» узнаём, что он «сын обедневшего купца, выучился грамоте самоучкой восьми лет. В юности был подносчиком в кабаке, служил на табачной фабрике, работал приказчиком. Жил в Рязани, Москве, но преимущественно в родном Ельце. К середине 70-х годов завёл крупное хлебное дело, но вскоре разорился». Узнаём ещё, что «много сил Е. Назаров отдал краеведению, работая для Орловской учёной архивной комиссии, публиковал труды по истории Орловщины, в частности Ельца. Последние годы, больной и одинокий, жил на скудное жалованье члена Елецкой городской мещанской управы».

Несмотря на то, что сведения о жизни Егора Назарова скудны, ему всё же несказанно повезло: память о нём увековечила повесть Бунина «Деревня» (1905). По свидетельству жены поэта, Веры Муромцевой-Бунин, прототипом главного героя Кузьмы Красова стал его добрый елецкий знакомец.

К памяти о Назарове великий писатель обращался в течение всей жизни. Он хранил воспоминания, как заветный островок родины на чужбине. Разница в возрасте, в социальном происхождении не в силах была перебить дорогое и кровное, вошедшее в сердце в далёкие годы юности. Описывая быт своего героя, он с документальной точностью перечисляет детали его жилища. В перечне вещей, окружавших Кузьму, мы находим «старую счетоводную книгу», в которой он записывал свои впечатления от поездки в Казаково (ст. Казаки под Ельцом) и то, что видел и слышал в деревне. Очевидно, что и стихи поэт записывал вот в эту, такую же, с листами большого формата, конторскую книгу, дошедшую до наших дней.

Бунин очень сочувствует своему герою, мечтающему «выскочить из кабалы торгашества», ведь целых пять лет были потеряны поэтом в самую лучшую пору жизни. Оттого и «томился неотступной думой, что пропадает, пропала его жизнь».

Зорким взглядом художника Бунин вглядывается и в поведение, и в занятия своего героя и подчёркивает его неуютство и неприкаянность: «Где это видано, чтобы мещанин в его годы жил на подворье, был холост и нищ, как шарманщик: всего имущества — сундучок да тяжёлый старый зонт!».

Он пишет и о его умонастроениях, о том, как он «растревлял душу статьями

Толстого, сатирами Щедрина», в мечтах стремясь к гармоническому построению жизни, к справедливости. Сам Назаров называл себя лишним человеком и видел один выход из своего положения — покончить с жизнью. Однако стихотворение, написанное в день сорокалетия «Сорок лет бесплодной жизни» и содержащее довольно печальные раздумья над судьбой, заканчивается полным отрицанием уныния, даже юмором, лёгкой улыбкой: «Ну, а всё-таки признаться, хочется пожить».

Бунин дорисовал моменты жизни поэта-самоучки, сказав то, о чём не могли знать будущие его биографы. «С тех пор прошло ещё немало бесплодных лет. Он маклерствовал в Воронеже, а потом, когда умерла в родовой горячке женщина, с которой он жил, маклерствовал в Ельце, торговал в свечной лавке в Липецке, был конторщиком в экономии Касаткина».

Самые разнообразные занятия — грузчик при кабаке, таскавший тяжёлые меш-

понятыми простому человеку.

«Грей хоть ты меня, мурлыка», — обращается он к своему коту, единственному спутнику ночной жизни в холодной избушке. Не преминет и улыбнуться над говорливыми «кумушками», никак не унимающимися в пересудах о соседях и близких родственниках даже перед церковной службой. Вот она, естественность речи, добрые, от сердца идущие слова.

Он не гнулся перед трудностями, не склонялся «до степени лакейской», не пресмыкался перед сильными мира сего. Природа творчества Егора Назарова ярко социальна: гордость патриота не заглушает классовых противоречий: «ветхий избушек», «воздуха чердаков», «воплей бедняков», невыносимо тяжёлой атмосферы России 1880-х годов, когда нужда заставляла мать продать родное дитя, а крестьянина, потерявшего имущество из-за пожара или стихийного бедствия, идти на паперть за подающим.

Много испытывавший в жизни, видевший предательство, в том числе и от друзей, и от так называемых благодетелей, Назаров тонко улавливает и вскрывает психологию мнимых меценатов.

Глубоко верующий поэт, «славянин по духу и природе», он подчёркивает значение православия в героической истории России, в подвигах лучших представителей нации, самоотверженно отражавших поползновения врагов, мечтавших подчинить себе, затоптать в грязь великую православную веру, свободу и чаяния русского народа: «Поле Куликово», «Храм Христа Спасителя», «Монумент». Он преклоняется перед памятью о великих полководцах: Дмитрие Донском, Суворове, Кутузове, Нахимове, ополченцах Козьме Минине и Дмитрие Пожарском.

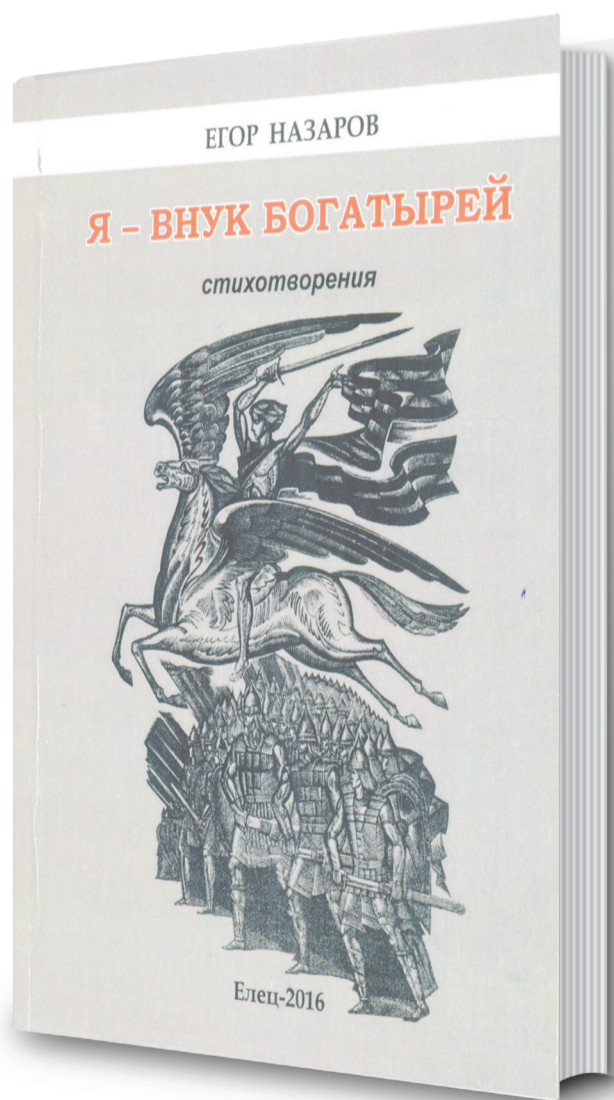
Время не пощадил рукопись Егора Назарова, собственноручно исполненную им самим. Пожелтевшие, обтрёпанные по краям листы непривычно большого формата, бывшие, по-видимому, листами конторской книги, с пятнами от пролитой жидкости (может быть, вина, а может, слёз). Но сами строки стихов, старательно выведенные чётким каллиграфическим почерком, чёрными чернилами по голубым линейкам, не стёрлись, не выцвели. Крупные буквы с характерными ятями, ерами, а в конце каждого стихотворения — замысловатые росчерки-виньетки. Видимо, автор рассчитывал на благосклонность издателя, раз так заботливо оформил свою последнюю работу. Он, конечно, хотел увидеть рукопись напечатанной, составляя её за пять лет до кончины, последовавшей в 1900 году.

Верится, что книга стихов Егора Назарова «Я — внук богатырей», включившая всё, что сохранила его подготовленная к печати, но так и не увидевшая света в своё время рукопись, найдёт своего благодарного читателя.

Титанический труд, благородство всего облика поэта, цельность гражданской позиции, а главное, далеко не рядовые стихи — всё это даёт право поэту на уважение потомков.

В наше время, когда в душах современников возрождается гордость за русскую нацию после погромных 90-х годов, стихи патриота Егора Назарова ещё раз напомнят о величии России и её значении для мировой истории и современности.

Игорь ФЕДОРИН

ки, гуртовщик и прасол, торговец скотом, и, наконец, маклер — не могли заслонить главного: его стремления к сочинительству. Назаров много читал, это занятие было ему мило с самых ранних лет:

В углу холодного чулана,
Подчас без пищи и без сна,
Читал я Пушкина «Цыганы»
Иль труд святой Карамзина.

В его книгах немало стихов на темы от русской истории до всемирной, на библейские темы. Составляя итоговую рукопись, автор не включил многое из опубликованного ранее, но постарался донести главное: жизнь простого человека из народа, его судьбу, а всё умозрительное, вторичное, отсечь. Действительно, рукопись привлекает стихами доверительно простодушными, интонационно близкими и